

Ципора Кохави-Рейни

Королева в ракушке

*Повесть
о беспокойной жизни и любви
израильской писательницы
Наоми Френкель*

книга вторая

Восход и закат

часть первая

Ципора Кохави-Рейни Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть первая

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21587199

Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть первая:

Книга-Сефер; Израиль; 2017

ISBN 978-965-7288-3-1

Аннотация

Продолжение биографического романа Ципоры Кохави-Рейни о жизни великой израильской писательницы Наоми Френкель.

Второй том трилогии рассказывает историю любви Наоми и Израйля Розенцвайга. Любовь, благодаря которой Наоми обрела свое призвание, стала писательницей.

Роман развивается на фоне исторических событий 40-х – 60-х годов. Персонажи романа – выдающиеся государственные деятели, писатели, президенты и премьер министры, Агнон, Бен-Гурион, Леви Эшколь...

Сложнейшие перипетии политической жизни молодого еврейского государства, непримиримая партийная борьба ломает судьбы героев...

Впервые столь откровенно рассказывается о жизни Израиля. Книга – в полной степени станет энциклопедией израильской жизни тех лет.

Содержание

Действующие лица	9
Предостережение Королевы	31
Когда еврейская кровь потечет с наших ножей!..	33
Ее держала идея сионизма	37
Послание тем, кто далек от истории своего народа	41
Глава первая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ципора Кохави-Рейни Королева в ракушке. Книга вторая. Восход и закат. Часть первая

© Silvia Horwitz, Minnesota, 2017

©Tsippi (Zipora) Rainey, רייני – ציפורה כוכבי

©Эфраим Баух, перевод на русский язык, 2017

* * *

*Сыну моему Йони (Йоханану) Рейни и всем моим
ученикам*

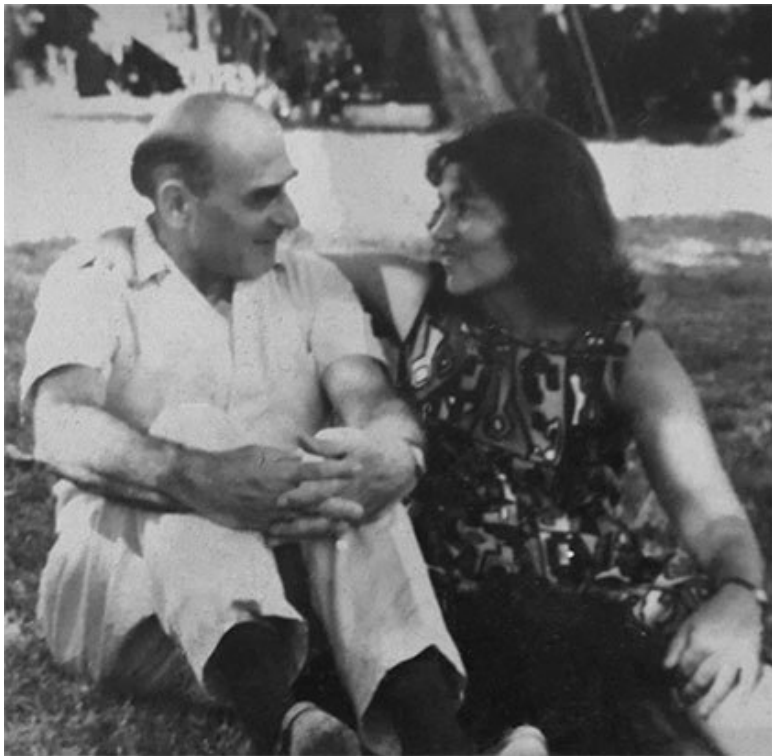

ציפורה כוכבי-רייני
מלכת הקונכייה

סיפור חייה הסוערים של ועמי פרנקל

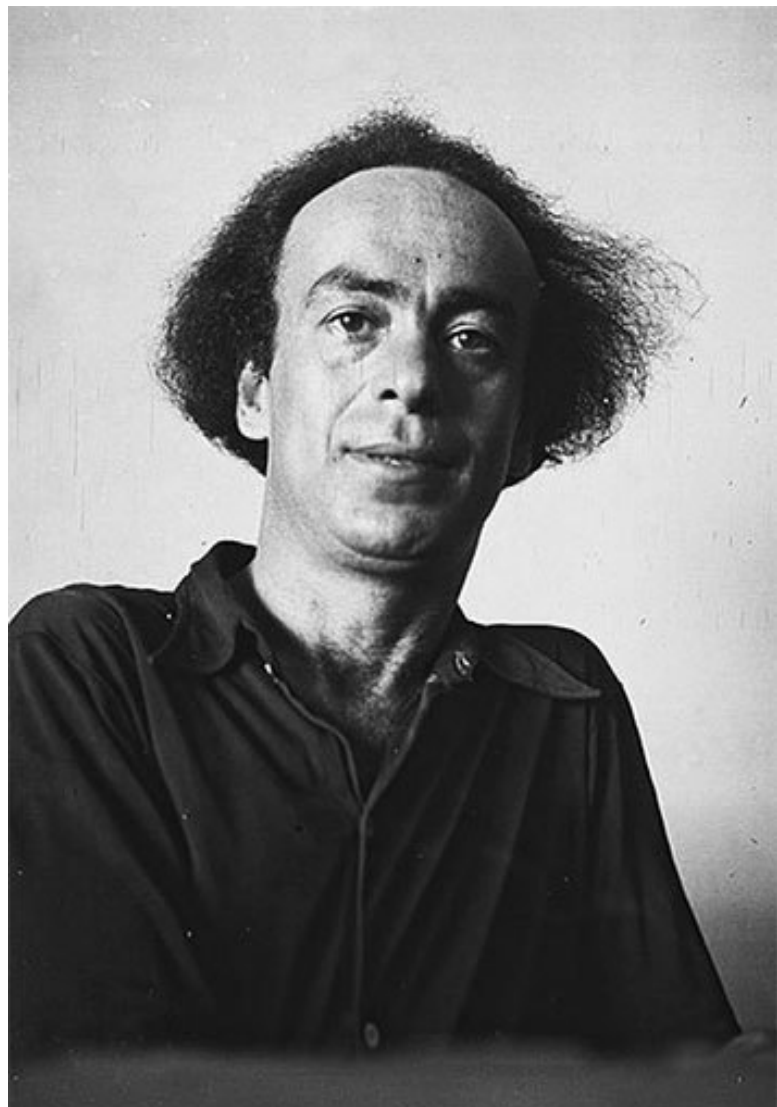

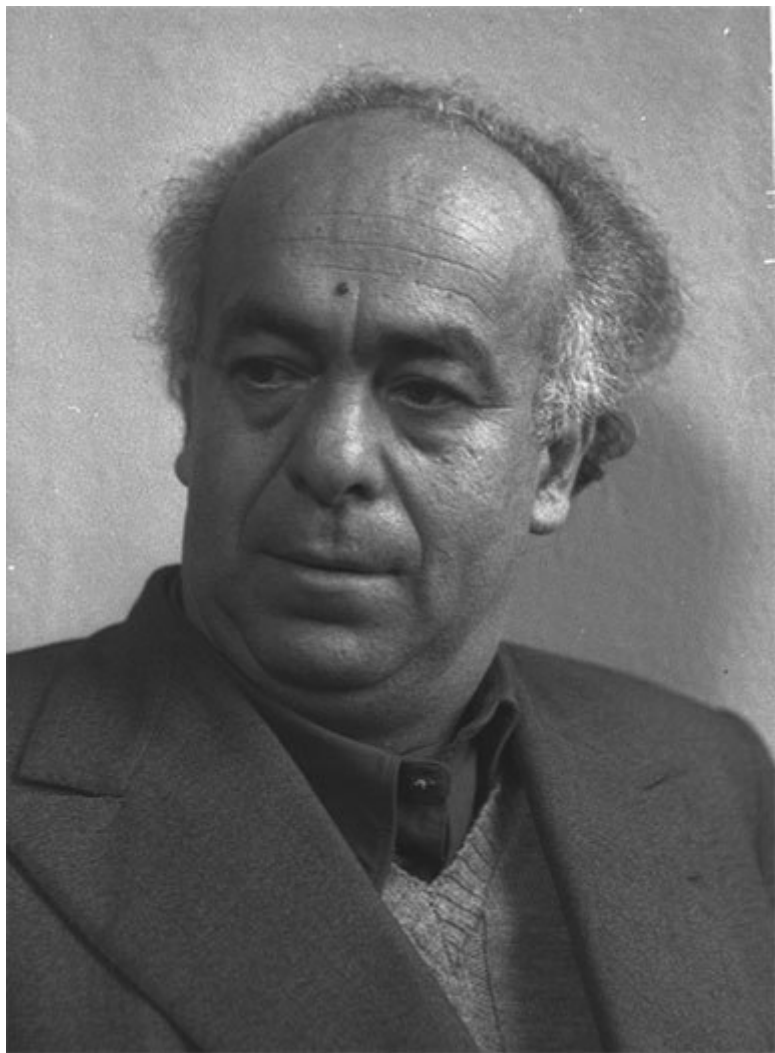
Действующие лица

Наоми Френкель, член кибуца, писатель. Израиль Розенцвайг, ее возлюбленный, затем муж, член кибуца, литературный критик и публицист.

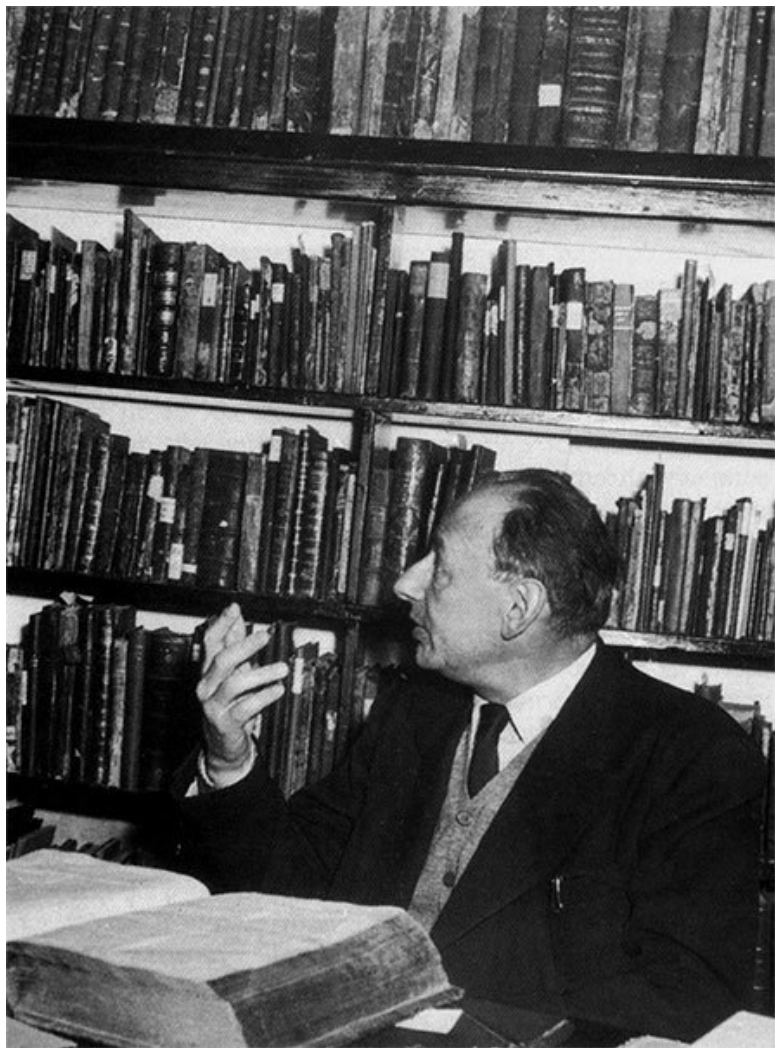
Авраам Шленский, писатель, переводчик, издатель.

Жаль-Поль Сартр и Симона де Бувар. На заднем плане встречающие их Авраам Шленский и Лея Голдберг.

Лея Гольдберг, поэт.

Гершом Шалом, философ, историк.

Шай Агнон, писатель, нобелевский лауреат.

Давид Бен-Гурион, политик, премьер-министр Израиля.

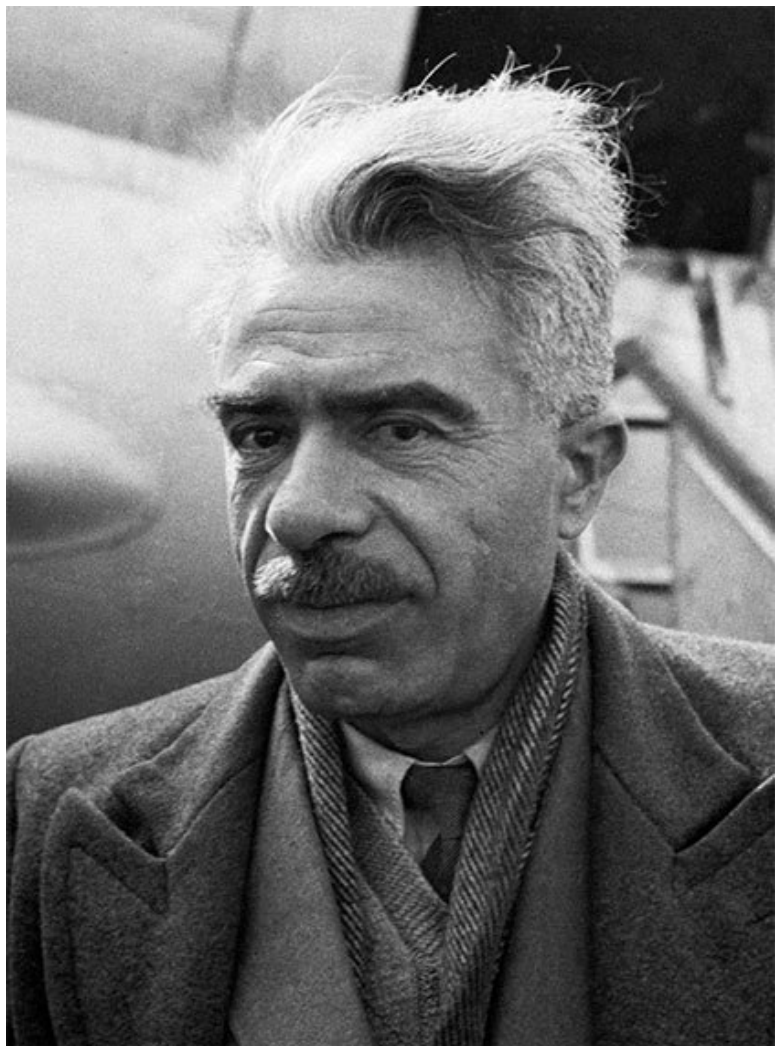
Залман Шазар, писатель, политик, Президент Израиля.

Леви Эшколь, политик, премьер-министр Израиля. Ми-
рьям Эшколь, жена Леви Эшколя.

Пинхас Розен, политик, министр Юстиции Израиля.

Меир Яари, политик, лидер левого крыла сионизма и кибуцного движения.

Хью Тревор-Ропер, барон Дейкр Глантонский, лорд, историк, разведчик.

Меир Хар Цион, капитан, Герой Израиля, стоит первый слева. Арик Шарон, генерал, стоит второй слева. Моше Даян, генерал, стоит третий слева.

Молодые репатрианты с Генриетой Сольд, 1937.

Семья Френкель, 1921.

Братья и сестры Наоми Френкель, дочери Наоми Френкель, члены кибуца, арабские крестьяне, жители Иерусалима, политики, писатели, артисты, художники, их мужья, жены, любовники и любовницы, немцы в Германии, участники подполья в Италии, бойцы ХАГАНЫ и ЭЦЕЛ, солдаты и офицеры ЦАХАЛ и другие.

Предостережение Королевы

Беззаботное детство в большой, богатой, просвещенной, ассимилированной еврейской семье в благополучном Берлине... Неординарная девочка, живущая напряженной духовной жизнью, постигающая мир. Тридцатые годы. Нацизм. Крах надежд, потеря родины. Отъезд в Палестину – Эрец Израэль, Страну Израиля. Надежды и разочарования, одиночество, борьба за выживание...

Романы Наоми Френкель “Ваш друг и дядя Соломон”, “Дикий цветок”, “Саул и Иоанна” были переведены на русский язык писателем Эфраимом Баухом. А подруга и биограф знаменитой в Израиле писательницы-классика профессор Ципора Кохави-Рейни только что издала (также в переводе на русский) биографический роман о полной драматических событий жизни писательницы.

В этих книгах описана жизнь богатой еврейской семьи в Германии 1930–1933 годов. Затем репатриация и жизнь героини в Израиле. Это история типичной еврейской семьи, забывшей свои корни и дорого заплатившей за иллюзию, что удастся остаться среди немцев и избежать трагедии. И только юная героиня решает изменить жизнь, вернуться к корням. Судьба – предостережение. И история Израиля глазами умной, неординарной женщины.

Наоми Френкель сегодня называют “королевой ивритской литературы”. Мы встретились с ее биографом – профессором и писателем Ципорой Кохави-Рейни, автором романа “Королева в раковине” (издательство “Книга-Сефер”, Израиль)

Когда еврейская кровь потечет с наших ножей!..

– Ципора, книги Наоми Френкель имели огромный успех в Израиле, в первые годы существования государства. Чем он объясняется, на ваш взгляд, почему ее произведения стали классикой, ведь до сих пор ее романы изучают в школах?

– Во-первых, драматический сюжет в этих книгах и исторический фон выписаны с большим искусством. Во-вторых, трилогия вышла в период, когда в ивритской прозе вообще отрицалась роль диаспоры на фоне героизма войны за Независимость 1948 года. Френкель вернула читателей в дома, которые они оставили в диаспоре, в европейские семьи, преследуемые нацистами, к ландшафтам и культуре их детства и юношества... Читатели только вернулись с войны, из тяжелых кровопролитных боев за свое еврейское государство, и обнаружили себя без духовного и душевного дома. В те дни было особенно деятельным движение “Ханаанцев”, созданное группой интеллектуалов, которое утверждало, что нет у нас исторической связи с евреями и еврейским народом. Мы – потомки ханаанцев (финикийцев). Идея эта возникла от нежелания иметь хоть что-то общее с евреями диаспоры и Катастрофы. И эти романы позволили израильтянам смягчить свое отношение к галутским евреям и не стесняться тех, кого они иногда называли “скотом, который пошел на закла-

ние”.

– Расскажите о родительском доме, в котором росла Наоми в Берлине. Это ведь была вполне респектабельная семья?

– Наоми Френкель – шестой ребенок из семи братьев и сестер. Она родилась в Германии в 1918 году в известной ассимилированной еврейской семье германских патриотов. Предки их были основателями текстильной промышленности. Но в ответ на призыв премьер-министра Бисмарка – “Кровь и железо”, дед Наоми создал в пригороде Берлина металлургическую фабрику по выплавке железа и стали. Отец ее, офицер германской армии, испытал на себе газовую атаку в бою под Верденом, был отравлен газами и от последствий отравления умер в 1932 году, за год до прихода Гитлера к власти. По сути, их отчий дом был домом интеллектуалов. В нем собиралось общество любителей творчества Гёте, к детям приходили люди богемы, среди которых – Бертольд Брехт, друг ее сестер, известная театральная актриса тех лет Элизабет Бергнер. Мать умерла, когда Наоми было пять лет, а все близкие старшего поколения потом погибли в Катастрофе. Ее братья и сестры рассеялись по всему миру и, таким образом, спаслись.

– Она не просто принимала решение о репатриации и все же уехала в 1934 году. Спасла себе жизнь, но оказалась в очень трудных условиях, непривычных девочке из богатой и образованной семьи...

– Она приехала с группой сионистской молодежи. Прошла подготовку к сельскохозяйственному труду в Иерусалиме, на учебной ферме Янаит Бен-Цви (жены второго президента Израиля Ицхака Бен-Цви). После полутора лет тяжелого труда и учебы поселилась в кибуце. Там жизнь ее была очень тяжелой, она выделялась среди всех слишком острым и независимым умом.

– А оказалась при этом в закрытом обществе кибуца, среди совершенно чужих для нее людей?

– Приехала она туда в возрасте 16 лет, и жизнь ее там была невыносима. Она была бескомпромиссна в сопротивлении однолинейному, насильно навязываемому руководством кибуцев мышлению. Ее обвиняли в том, что она – выкорымыш преступной буржуазной культуры. Не терпели ее любви к поэзии Гёте, буржуазного автора, стихи которого она все время цитировала.

В кибуце свирепствовал культ марксизма и беззаветной любви к России и Сталину. Ее же это не интересовало. Главной и мучительной темой ее размышлений был вопрос: “кто такой еврей”. По сути, это была тема всей ее жизни. Она слышала рев голосов нацистов на улицах Берлина – “Когда еврейская кровь потечет с наших ножей, Германия стает свободной”, и спрашивала отца, почему ее хотят убить. Отец отвечал, что еврейство является их внутренним делом, а для общества они – немцы. Что они родились евреями, но прошли крещение. Все это ничего не говорило ее сердцу. Она

начала изучать иврит, Тору.

В кибуце же пытались уйти от религии, и первую строку Торы читали так: “В начале были сотворены Небо и Земля”. Кибуц ей виделся как продолжение ассимиляции в семье.

Ее держала идея сионизма

– Почему же она не оставила киббуц, в котором так страдала с самых первых дней?

– Ее держала идея сионизма, идея создания дома еврейского народа. Во имя этого она готова была страдать. В те дни киббуцы были фундаментом безопасности еврейского общества и считались высшим достижением, свидетельством высоты еврейского духа.

В 50-е годы пришла к ней большая любовь к Израилю Розенцвайгу, одному из крупнейших литературных критиков и мыслителей в среде киббуцников. Он создал для себя некую утопию из этой концепции. Из-за этой любви она и осталась.

В романах “Ваш друг и дядя Соломон” и “Дикий цветок” описывается жизнь в киббуце, сложные взаимоотношения между поколением основателей и поколением сыновей. В любовных перипетиях героев многое основано на отношениях между Наоми и Израилем Розенцвайгом. Иронией пронизаны бесконечные разглагольствования доморощенных “марксистов”, поучающих всех и вся.

В 1960 она получила стипендию имени Анны Франк для проведения исследования корней, породивших фашизм. Она интервьюировала нацистов и обнаружила связь между советской Россией и нацистами. Затем, в Оксфорде, у известного профессора Тревера Ропера, она подтвердила эту

гипотезу многим фактами и исследованиями. Эта связь сталинизма и нацизма привела ее в шок, усилила ее неприятие левой идеологии, столь укоренившейся в движении киббуцев.

– Она ведь служила в армии. Когда она была мобилизована?

– В 1969, после смерти любимого человека – Израиля Розенцвайга. Пережила она это очень тяжело. Вероятно, именно поэтому основатель спецназа генерального штаба Аврам Арнан мобилизовал ее в морской спецназ. Он сказал ей, что у него для нее есть работа – опрашивать воинов. Во время “Войны на истощение”, в 1970, она попала под тяжелый артиллерийский обстрел со стороны египтян позиций израильтян вдоль Суэцкого канала.

Впервые именно она описала в своих романах будни “Войны на истощение”, жизнь солдат в укреплениях. Она вела дневник операций, который по сей день, к сожалению, засекречен. После “Войны Судного дня” она была переведена на южный фронт, где вела протоколы дискуссий штаба Армии обороны Израиля.

– В армии ей было легче? Как спецназовцы относились к ней и к ее работе?

– Сначала подначивали ее, ибо чувствовали себя героями, а тут женщина требует от них детально докладывать об операции, из которой они только вернулись, записывает каждое их слово. И однажды, в Синае, несколько ребят поставили перед ней бутылку виски и сказали: “Если ты выпьешь всю

эту бутылку, станешь своей”. По ее словам, она впервые в жизни опьянела. Вообще, она вела себя героически. Во время войны Судного дня ей даже пришлось однажды пересечь Суэцкий канал на резиновой лодке.

– Она духовно сблизилась с поселенцами после этой войны. Как это произошло?

– После окончания войны на нее была возложена задача: сокращенно описать дискуссии в штабе Армии обороны Израиля. Она была в шоке от вранья, от “войн генералов”, которые открылись ей при редактировании протоколов обсуждений до и во время войны.

После семи лет службы она начала заниматься в кружке Цви Анбала в Бней Браке, но тут грянула первая Ливанская война 1982 года. Преподавателей сменили глубоко религиозные лекторы, отрицающие идею еврейского государства. С этим она не могла примириться, оставила курс, который вела женщина-раввин, так как та сказала ей, что она не может быть одновременно писательницей и религиозной женщиной.

С этим Наоми тоже смириться не могла. Написав роман “Дикий цветок”, она впала в глубокую депрессию, ибо не могла внести духовный климат в Тель-Авиве, где оказалась вместе со своим вторым мужем Меиром Бен-Гуром... В период первой Ливанской войны рухнул национальный консенсус. Она столкнулась с ненавистью людей к собственной стране.

Уехав в Хеврон, в город праотцов, она поняла, что нашла духовное пристанище.

Послание тем, кто далек от истории своего народа

– *Как состоялось ваше знакомство с Наоми? Почему вы почувствовали взаимопонимание, взаимную симпатию? Ведь разница в возрасте была очень большой...*

– Я встретила ее в штабе военно-морских сил, где проходила действительную службу. Изю дня в день она видела меня, сидящей около тумбочки при входе в бункер и читающей книги в отдалении от солдат. Она же проходила в глубину бункера, где работала с секретными материалами – стенографическими отчетами совещаний у командующего. Это было после ее возвращения с “Войны Судного дня”, с фронта в Синае.

Она делала копии с кассетных записей начала войны и в течение боев, переговоров, ссор высшего военного начальства, неудачных операций, просчетов, неверных решений, взаимных обвинений. Все это выводило ее из себя, но она дала подпись о нераспространении. Ее предупредили, что рот открывать нельзя, это смертельно опасно. Однажды мы разговорились. Затем она прочла первый отчет, который я составила по ее просьбе, и сказала своему мужу Меиру Бен-Гуру, что нашла своего “биографа”. Ее всегда удивляли мои суждения о ее книгах.

Мне тогда было всего 19 лет, а ей – 56. Но разница в воз-

расте роли не играла.

Естественно, я читала ее трилогию “Саул и Иоанна”. Книга входила в программу обязательного изучения в школе. Я знала, что она великий прозаик, но каждое утро она проходила мимо меня, приветливо мне улыбаясь.

– Почему вы решили о ней писать, и какова идея биографического романа “Королева в раковине”?

– Во-первых, она попросила меня стать ее биографом. Когда я попыталась отказаться, она вперила в меня тяжелый взгляд. Я не могла устоять и согласилась. Конечно же, испугалась. Знала, что она любимый всеми автор, мудрый, известный высотой своего духа. Смогу ли соответственно передать суть ее жизни и творчества?

Она упрямо и без всякого сомнения заявляла, что только я смогу это сделать, ибо мы сотворены из одного теста, и только я смогу ее понять.

После стольких лет жизни под ее сенью, я все время удивлялась, насколько мы похожи характерами. Анализировали события и явления совершенно одинаково.

Наоми просила поставить во главу угла романа о ее жизни те унижения и страдания, которые она испытала в кибуце, и ее большую любовь к Израилю Розенцвайгу. Она очень быстро вдохновилась моим предложением – изобразить иудейство в поколениях, другими словами, историю еврейского народа на примере ее жизни, которую она описала в своих исторических романах. Мне также хотелось представить

в драматической форме политическое развитие государства Израиль, написать о стойкости и слабости израильтян в боях, о дружбе, взаимоотношениях между выходцами из разных стран и культур. В общем, все, что актуально в Израиле и сегодня.

– *Насколько ее история интересна современному читателю?*

– Личная история Наоми – это история многих, кто был изначально далек от судьбы своего народа. Семья ее была далека от своих еврейских корней и традиций Израиля, как множество еврейских семей во всем мире. Наоми прибыла в Страну в 1934 году, как беженка из Германии. Девушка из буржуазной ассимилированной семьи, которая почти ничего не ведала об иудаизме, о своей еврейской и вообще национальной идентичности. Молодые, оказавшиеся в такой ситуации, часто становятся фанатиками и запираются в глубоко религиозных кварталах.

Ее судьба – это, по сути, судьба еврейского народа. И сегодня идет травля не только евреев в мире, но и самого государства Израиль. Более того, немало израильтян находится в плену иллюзии (точно так же, как евреи Германии в период разнузданной антисемитской пропаганды гитлеровского рейха), что можно заключить мир с палестинцами, стоит им вернуть Иудею и Самарию.

В то время, как другие понимают, что цель палестинцев – поэтапно уничтожить Израиль.

– В мире тоже много тревожных знаков для евреев, которые не отделяют себя часто от стран, в которых родились...

– Да, многие евреи в мире и сейчас не отождествляют себя с Израилем и своими еврейскими корнями. Жизнь Наоми и ее семьи – предостережение.

Абсорбция в Израиле невероятно тяжела, и нужна очень сильная мотивация, чтобы преодолеть все трудности и бороться за улучшение ситуации в стране во всех областях во имя ее будущего. Призыв Наоми – укреплять страну и ее еврейские корни. Напряженность в израильском обществе была, есть и будет. Наоми Френкель призывала обновить иудаизм в соответствии со временем, но сохранить его ценности.

Она, конечно, внесла огромный вклад в историю страны – своей жизнью, творчеством, участием в войнах и, главное, духовным служением.

Алла Борисова

Глава первая

Весна 1946. Наоми гуляет с маленькой дочкой по двору кибуца. К ней приближается незнакомый мужчина в синем плаще. Кто он, этот человек? Наоми привлекает странная смесь мужественности и нежности в его лице. Он красив, худ. Не по размеру большой плащ не может скрыть изящество движений.

“Здравствуйте, меня зовут Израиль Розенцвайг”. – “Очень приятно”.

Она смущена. Перед ней сам Розенцвайг, член кибуца Бейт Альфа, входящий в руководство Общего кибуцного движения Израиля. Его голубые глаза, излучающие свет, изучают ее с головы до ног. Наоми, кажется, что он рассматривает ее потертое цветастое платье из грубого арабского полотна. Она кажется себе уродиной.

Какое-то незнакомое чувство пробуждается в ней.

“Я пришел к Шику”.

“Папы дома нет”, – отвечает малышка.

“Где ваш муж?”

“Не знаю”, – она скрещивает руки на груди, пытаясь скрыть охвативший ее стыд.

“А когда он вернется?”

“Не знаю”.

“Не знаешь, где твой муж и когда он вернется?” – обра-

щается он к ней на “ты”, как заведено в кибуцах, и согласно с грамматикой иврита. По ее сухому тону и выражению лица ясно, какие у нее отношения с мужем.

“Я перевожу на иврит книгу “Генетика” Ришко и Делоне. У меня вопросы к Шикю по генетике цветов. Ладно, пошлю ему письмо”.

“Я провожу вас до остановки автобуса”, – неожиданно для самой себя говорит она. Малышка вприпрыжку плетется за ними и ноет: редкое общение с матерью прервал этот чужой дядя.

“Как тебя зовут?”

“Наоми”.

“Где ты трудишься?”

“В коровнике”.

Он интересуется, как идет дойка, как организовано дежурство на кухне, как часто приходится убирать места общего пользования. Она охотно отвечает вопреки своему замкнутому характеру.

Подходит автобус.

“Израиль, не торопись уезжать. Я хочу поговорить с тобой”.

“Придется целый час ждать следующего автобуса”.

“Я подожду вместе с тобой”.

Сильнейшее желание высказаться, облегчить душу овладевает ею.

“Чего тебе не хватает?”

Она говорит о своем унижительном положении в кибуце. Малышка ни на миг не прекращает ныть, и все время скачет вокруг матери.

“Ты разрешаешь ей так себя вести?”

“Она мне не мешает”.

“А в кибуце что мешает?”

“Все ставят мне в вину, что я гордячка, делаю все, что приходит мне в голову и, вообще, непригодна для жизни в кибуце. Я сама себе намечаю дневной план работы, и это сердит всех”.

“Наоми, твое преимущество в твоём отличии от них всех. Воспитай в себе умение не обращать внимания на их уколы и насмешки”.

Его мягкий голос успокаивает, его добрый взгляд проникает в душу, и она, путаясь в словах, рассказывает все, что в ней наболело, даже историю о том, как Шик силой овладел ею на сеновале, ночью, в кибуце Дгания Бет.

Израиль хорошо помнит то скандальное заседание руководства Движения, где обсуждался этот омерзительный случай. Было решено отменить отправку Шика посланцем Движения в Восточную Европу. На миг Израиль бросает взгляд в сторону малышки. Наоми ловит этот взгляд и начинает рассказывать о том, что произошло после того, как она упала, и камень рассек ей подбородок. Она почти теряла сознание, когда в больнице ей зашивали рану и бинтовали. Более пяти лет ей удавалось увернуться от не дающего ей прохода Ши-

ка. Но когда медсестра и один из членов кибуца довели ее до дома и оставили, Шик, это животное, набросился на нее, еле державшуюся на ногах, и она снова забеременела.

“Он мне не муж. Ни одна женщина не хотела иметь с ним дело, и он изнасиловал меня. Брак наш – фальшивка. В кибуце это знают, но во всем обвиняют меня, потому что у Шика есть авторитет”.

“Ты должна, как можно быстрее освободиться от него. Тебе сразу станет легче”.

“Некуда мне идти”.

Что-то с ней происходит. Горячее участие этого человека словно открыло клапан, который не позволял ей с кем-то делиться своей болью. Она отчаянно борется с желанием попросить его взять ее с собой.

“Ты не обращаешь внимания на ребенка”. Израиль не спускает с малышки глаз – она же отдалилась от автобусной станции, прилегла на траву и задремала.

“Она у меня девочка самостоятельная. А мне очень плохо. Кибуц вовсе не оказался той мечтой, какой мне ранее представлялся. Я не могу и не хочу жить по чужой указке. Это ненормально и несправедливо, когда маленькие люди корчат из себя выдающихся личностей и позволяют себе манипулировать моей совестью, отвергать мое отношение к миру и навязывать свое. Плохо мне, когда они принимают всерьез свое лидерство, заставляя всех вытягиваться перед ними в струнку. Я лучше отойду в сторону, посижу в уголке. Не нужны

мне никакие должности”.

Она чувствует, что ее и Израиля связывают общие разочарования и боли. Он говорит, что она коснулась самой сути проблемы: талантливые люди покидают кибуц. Как говорится, серые середняки выдвигаются и берут власть в свои руки.

“Наоми, я страдаю от этой же проблемы, – он закусывает губы, – я бегу от маленьких людей, воображающих себя большими умниками. Средняки, которые не могут удовлетворить свои амбиции из-за отсутствия таланта, опасны. Мерзкими уловками они будут стараться достичь своих целей”. Он смотрит вдаль, как в пустоту, говорит убежденно: “Положение вовсе не статично. И это внушает уверенность, что будут изменения к лучшему”.

Он сам себя обманывает, считает она. Люди раздавлены бесчеловечностью и трудностями жизни. Отцы-основатели, оставившие в молодости отчие дома в диаспоре, лишённые жизненного опыта, отчаянно воюют с пустыней и при этом дичают и отрекаются от еврейской культуры, в которой воспитывались в детстве. Тяжкий труд, недостаточное питание, болезни, отрыв от привычных мест, от семьи бросает их на поиски сексуального удовлетворения, в распущенность. Она это испытала на себе и продолжает испытывать угрозу со стороны тех, кто превращает дикие пустоши в плодородные земли. Коллектив размахивает знаменем сексуальной сдержанности и чистоты, а на деле разврат стал нормой поведения. Во имя мнения большинства, можно растаптывать лич-

ность.

“Сыновья все изменяют”, – Израиль тяжело, надсадно дышит. Она же снова скрестила руки на груди, видя, как его взгляд снова изучает ее платье.

“У тебя что, боли в груди? Ты страдаешь болезнью сердца?” – спрашивает он.

“Нет”.

Он пытается глубоко вздохнуть, садится на землю, жестом указывает ей сесть рядом. Она снова ловит себя на мысли: насколько я уродлива в сравнении с этим мудрым человеком. Ее тонкая фигура утопает в некрасивом платье не по размеру, аляповато расписанном зелеными листьями и красными цветами по черному со стальным оттенком грубому полотну. Что он о ней подумает?

И, все же, мужчина озаботился ее здоровьем. Она даже не может представить, что за этой внешней мощью скрывается тяжелый порок сердца, смерть может наступить в любой момент. Борься за право жить он начал в тот страшный день, когда трехлетним ребенком ехал с матерью Гитель в карете по узким улицам еврейского местечка в Польше, и она внезапно упала на него, скончавшись от разрыва сердца.

Автобус тормозит у стоянки. Израиль не двигается с места. Забрав пассажиров, автобус уезжает. Они продолжают говорить об иудаизме и марксизме. Марксизм в его толковании предстает перед ней в новом свете. Не как на языке Меира Яари, Якова Хазана и их подпевал, талдычащем

с утра до вечера о классовой борьбе. Иудаизм они считают порождением диаспоры, пережитком прошлого. Израиль видит марксизм, как неотъемлемую часть общего образования каждой личности, но вовсе не властвующую над всеми областями знания.

Он придерживается концепции ушедшего из жизни духовного лидера рабочего движения Берла Кацнельсона: Израиль цитирует его: “Несомненно, сионистские движения должны изучать богатство тысячелетней еврейской мысли и глубоких эмоций еврейского народа”. Глаза ее светятся от слов о духовных сокровищах иудаизма.

Он вспоминает реакцию детей в одном из кибуцев, куда приехал читать лекцию в экипаже, кучером которого был араб. Сам он был одет в белые брюки, белую рубашу, повязанную галстуком. На голове модная черная шляпа. Дети бежали за экипажем и кричали: “Еврей! Приехал еврей!” На лекциях он вспоминает этот случай:

“Видите, каким карикатурным представляется детям еврей”. И добавляет: “И это никого в Движении кибуцев не беспокоит, за исключением членов кибуца Бейт Зера, составляющих правую фракцию традиционалистов в социалистическом движении “Ашомер Ацаир”.

Меир Яари упрекает Израиля: да, политически и интеллектуально он с Движением, но, при этом, подчеркивает свою поддержку членов кибуца Бейт Зера, выходцев из Литвы, ставящих во главу угла иудаизм. И вовсе не зря руково-

датель Движения не доволен своим коллегой. Дело в том, что эта незначительная группа отрицает марксизм и недавно потрясла все Движение, потребовав, не более, не менее, внести в повестку дня вопрос об обучении детей еврейскими традициям. И как отреагировал Израиль? Поддержал это меньшинство в его стремлении к обновлению духа иудаизма. Устанавливать суверенитет евреев в земле Обетованной необходимо на основах исторической корневой культуры иудаизма. Это создавалось тысячелетиями. И по сей день живет в диаспоре. Следует вдохнуть свежий дух в его основы, иначе мы потеряем этот дух борющегося за свою независимость народа. Он призвал к восстановлению основ иудаизма, особенно в нынешний период, после окончания Второй мировой войны и строительства еврейского социалистического государства, в котором подрастающее поколение будет воспитываться в духе иудаизма.

“Наоми, следует видеть различия между марксизмом и марксизмом. К примеру, идеолог вульгарного марксизма Малер, член руководства социалистической фракции “Ашмер Ацаир” имеет немало последователей. Этот Малер вызывает смех и огорчение, ибо в его понимании марксизма нет даже намека на иудаизм. По мне нет никакого противоречия между марксизмом и социализмом. Я говорю Меиру Яари, что необходим синтез между марксизмом и иудаизмом, и на эту тему следует написать научное исследование. Пока я этого не сделаю и не докажу, он будет со мной бороться. Я ве-

рю в то, что неустанный поиск, ведущий человечество по созданию лучшего мира, принадлежит одиночкам. Массы не ищут доброго Бога, а, наоборот, во всем Его обвиняют. Все это сложно и запутано”.

“Древние народы создавали языческих богов, чтобы они служили примером для подражания людям. Эти боги представляли мудрость, красоту, силу и крепость духа”, – говорит Наоми.

Он улыбается:

“И евреи начали с запретов. В центре нравственности поставили Десять заповедей”.

Недавно комиссия по культуре включила ее в группу из пяти человек, которые должны в своих докладах на симпозиуме определить, что означает понятие – “культура”. Готовясь к выступлению, она размышляла о бесчеловечности людей, об ужасных условиях жизни масс, о классовом сознании, ведущем к революциям. Думала о том, насколько двуличны члены кибуца: разводят сплетни друг о друге, подсиживают, а на собраниях выпендренно рассуждают об исправлении человеческого общества.

На симпозиуме по вопросам культуры она говорила о том, что сила морали и вечных законов человеческой культуры расцветут. И вера в ценность самосознания и личной ответственности за все, что совершается и должно совершиться в будущем, одолеет коллективную ответственность. И потому нельзя сбросить со счетов личную ответственность. Сдержи-

вание страстей, по ее мнению, и символизирует культуру. Во главу угла своих лекций она и поставила Десять заповедей, как универсальные законы морали.

По завершению ее лекции, встал с места Яков Хазан и высоко оценил ее выступлении, как и другие товарищи. Только Шик раскритиковал ее в пух и прах, да еще с откровенной ехидцей, мол, сказанное ею вовсе не оригинально. У него нет сомнения, что она скопировала все это из какой-то книги. Она сбежала домой. Вслед за ней явился и Шик в сопровождении Рахели Каценштейн, которая на симпозиуме сделала “открытие”, сказав, что культура, это, к примеру, умение играть на фортепьяно.

“Рахель коснулась самой сути дела”, – разглагольствовал Шик. Наоми сбежала во двор под аккомпанемент его уничижающей критики: “А твое выступление даже не затронуло сути! Бери пример с этой по-настоящему культурной и мудрой женщины”.

Взгляд Израиля успокаивает ее, обида рассеивается. Она говорит:

“Члены кибуца – атеисты, а я верю в Бога”. Израиль улыбается. Она же торопится добавить, что верит не в Бога, восседающего в небе на престоле, а в Десять божественных заповедей, которые учат человека тому, что можно и чего нельзя. Израиль тоже верит в эти заповеди.

“Члены Движения сотворили нового бога. Их бог – Маркс”. Мысли ее текут свободно, пока Израиль не говорит,

что мысли эти слишком поверхностны. “Превратили Маркса во всезнающее божество, говорят, что в истории человечества еще не было такого гения, как Маркс. Он всегда прав, и даже на йоту нельзя сомневаться в его учении”. Высказавшись, она чувствует облегчение. Израиль анализирует ее выступление. По его мнению, члены кибуца вообще не понимают Маркса. Они относятся к символам буквально, словно за ними ничего значительного не стоит. Они цепляются за третьестепенные объекты, строя на них грандиозную абстрактную идею.

“Я вообще не принимаю марксистскую терминологию”, – говорит она и признается в полном провале своей попытки создать марксистский кружок по просьбе Моше Шамира, будущего классика ивритской литературы, и Реувена Вайса. Участники кружка, во главе с Моше Шамиром, разнесли в пух и прах ее интерпретации учения Маркса и Энгельса, главным образом, из-за антирелигиозного направления их теории. Не помогло ей, что она, все же, сказала, что поддерживает Маркса и Энгельса в их борьбе против империализма, эксплуатирующего рабочий класс “Я марксист иного класса. У меня свой путь к марксизму. Я не люблю Маркса, когда он пишет о диктатуре пролетариата. Я люблю его как философа – младогегельянца”, – говорит Израиль. – “Никто не может конкурировать с анализом Маркса и Энгельса девятнадцатого века. Но мне неприятен Маркс, который жил на иждивении Энгельса. И еще. Миллионы воспитываются

на учении Маркса, только не его дети. Они не продолжили линию отца, пошли иным путём”.

“Тегель устарел, Наоми. И, все же, несмотря на то, что он не сумел приноровиться к новому этапу социал-демократии, рекомендую тебе прочесть его философские труды”.

“Сейчас социал-демократическая партия уменьшилась”

“Но она расширится и окрепнет. Ей предназначена великая роль в будущей мировой политике. Она овладеет рабочими массами, я в это верю”.

Наоми ощущает себя птичкой, расправляющей крылья. Личность, играющая столь значительную роль в Движении кибуцев, открывает ей клетку, поддерживая ее свободное стремление к полету.

“Слишком большую роль идеология советской России играет в движении “Ашомер Ацаир”. Эти “молодогвардейцы” могут увести все движение в опасные дебри”.

“Россия обязана, – говорит Наоми, – ввести свою идеологию в приемлемые рамки реальности, которые, естественно, меняются. Иначе она просто распадется”.

Израиль не реагирует на это замечание.

Белый веер в небе разворачивается в их сторону. Оба со сдержанным волнением наблюдают за полетом над Издрельской долиной стаи аистов, вероятно, собирающейся в дальний перелет.

“Мы должны бдительно следить за развитием и изменениями марксизма”, – задумчиво продолжает мужчина пре-

рванный разговор, – “и приспособить его к жизни в Израиле”. Наоми невольно вспоминает отчий дом. Тихим голосом он говорит о глубоких разногласиях с руководителем Движения кибуцев Меиром Яари, по мнению которого современное быстрое развитие Коминтерна, поддерживающего коммунистические партии во всем мире, приведет к консолидации всемирного рабочего класса.

“Я не верю в диктатуру пролетариата”, – Израиль повышает голос, – “империалистический подход марксизма и методы, применяемые коммунистической партией, приведут человечество к катастрофе”. Он решительно отвергает Коминтерн за его агрессивность и действия, лишенные всякой сдержанности. На съезде Движения он резко высказался против разрушительной теории Ленина, подчеркнув, что совесть не позволяет ему сотрудничать с агрессивным израильским Коминтерном. Он стремится к развитию рабочего движения, как движения гуманистического.

Более часа они обсуждают эти темы. Израиль, в основном, сосредоточился на спорах с Меиром Яари, который выступает за единое общество как необходимое условие для достижения идеала. Лидер не проявляет необходимой сдержанности. Когда он обвинил кибуцников Эйн-Харод, что они отходят от генеральной линии Движения, ибо в кибуце существуют разные мировоззрения, Израиль мгновенно встал на их защиту. Он привел множество примеров стагнации и предупредил, что семена разрушения существуют в любом по-

добном обществе.

Он продолжает свои размышления вслух. Перед ней истинный первопроходец, каким она в детстве его себе представляла из слов тети Ривки Брин, приехавшей с детьми из страны Обетованной. Она говорила, что у нее есть родина и есть свой язык. Размышления Израиля все более удивляют Наоми своей необычностью и оригинальностью. Первым делом, он подвергает критике марксизм в его различных проявлениях в реальной жизни. У него вызывает отвращение культ личности Ленина и Сталина, попахивающий откровенным идолопоклонством. И этим диктаторам поклоняются в большинстве кибуцев. Его раздражает фальшью завершение всех собраний хоровым пением “Интернационала”. Никогда он не будет петь – “Весь мир насилья мы разрушим до основанья... и “Мы в бой пойдем за власть советов...”

Да, он прибыл в кибуц в долине, чтобы преподавать детям. Но, по прошествии времени, его захватила идея, лежащая в основе кибуцев. Он думал, что мирно уживется с системой образования детей в кибуцах, несмотря на его стремление к индивидуализму. Он поверил в иллюзию, что сможет повлиять на воспитание детей. Но его антикоммунистическое мировоззрение, отрицающее Сталина, с его жестокостью и ГУЛАГом, привело к тому, что путь его в Движении не был усыпан розами. Как педагог, отдавший много сил и времени образованию, он вникал в каждую мысль, исследуя её со всех сторон. Он, либерал, пытался передать ученикам богатство

и разнообразие точек зрения, развивать в них критичное отношение к миру, самостоятельность мышления при оценке точек зрения – приемлемых и неприемлемых, интеллектуальную честность, умение самим разобраться в различных мировоззрениях. Короче, передать всё то, чему он следовал сам. А от него требовали обучать их тому, что органически было ему враждебно и ненавистно.

В кибуц он прибыл с тем интеллектуальным багажом, который обрел в нормальной еврейской школе в Польше. В Издреельской долине он преподавал общеобразовательные предметы, а также иврит, и ТАНАХ, математику, природоведение, географию и историю еврейского народа. Его педагогические принципы, свободное отношение к материалу, восстановили против него марксистское окружение. Обвиняли его в том, что он много времени уделяет периоду Второго Храма, истории испанских евреев и еврейской поэзии за счёт уроков марксизма и дисциплин, связанных с различными специальностями. Ученики его обожали за обширность знаний и умение ими увлекать. Скрепя сердце, он обучал по нелюбимой им программе детей кибуцев Бет Альфа и Хефци-Ба. Но не мог смириться с тем, что видел вокруг.

“Нет у детей выбора. Никогда я не видел более разнузданных детей, чем дети кибуца. Дерутся до крови из-за ластика. Лгут и сплетничают. Все эти отрицательные качества с возрастом у них только усилятся. Вырастет у нас поколение без всяких духовных и душевных ценностей”.

Это приводит в ярость Меира Яари: “Ты не подходишь нашему Движению. Оно необходимо тебе, как аудитория для твоего умничанья”.

Но вот приближается автобус. Израиль вскакивает.

Она прислонилась к железному столбу.

“Ни перед кем в жизни я не была так откровенна, как перед тобой. У меня такое чувство, что я знаю тебя много лет”.

Печаль проступает на ее лице.

“Наоми, это не последняя наша встреча. Я вернусь”.

Она молит в душе: “забери меня отсюда. Я хочу быть с тобой. Идти по твоим следам, куда бы ты ни шел”.

Ноги ее приросли к земле. Она стоит на шоссе – девочка, которая потеряла сокровище. Она не может освободиться от ощущения, что с этого момента Израиль Розенцвайг навсегда вошел в ее жизнь.

“Мама, мама”, – плач ребенка доносится до нее из дальних далей. Малышка проснулась, встала с травы, тянется руками к матери.

Наоми не сдвигается с места. Кибуцники с опущенными от усталости плечами возвращаются с полей. Смотрят на ребенка, и кто-то говорит с укором: “Ты что, не слышишь, что ребенок плачет?”

Кто-то спрашивает: “Что случилось с девочкой?”

Малышка, захлебываясь слезами, идет по тропинке. С трудом отрывая ноги от земли, Наоми идет за удаляющейся дочкой. В детском садике воспитательница говорит Наоми,

что малышка вернулась в таком виде, словно ее избили. Не я избила ее, думает про себя Наоми, это я избита встречей с Израилем.

Из детского сада она направляется на склад одежды. Сердце выскакивает у нее из груди. Впервые, с момента поступления в кибуц, она решила настоять на своем. Три года подряд она носила уродливый желтый свитер, который сама неумело связала, и ни разу не воспользовалась своим правом поменять одежду. Однажды кастелянша примерила на себя ее свитер, и заявила, что нет необходимости его менять. Наоми униженно покинула склад.

“Я не хочу это платье. Лучше пойду голой”.

Кастелянша была удивлена новыми нотками в голосе Наоми.

“Ну, так ходи голой”, – съехидничала она, – “Ты вообще не должна всегда отличаться от других. Мы купили эту одежду для всех женщин кибуца”.

Какие-то серьезные, еще не вполне осознанные изменения происходят в ней. Впервые в жизни она мягко прикасается ладонями к своему телу, ощущая доселе незнакомый трепет. Голод по любви не дает ей покоя. Внезапно, в полную силу, чувство существования врывается в ее одиночество. Не прошло и недели, как она находит на столе письмо от Израиля Шикю с просьбой о встрече и консультации по вопросам генетики растений. Шик вернулся из отпуска, ко-

торый вновь провел с пожилой одинокой женщиной в дружеском селе на горе Кармель. В свое время она была послана в кибуц Мишмар Аэмак ассоциацией садовников – решить проблему выращивания овощей и фруктов. Однажды в их квартиру вошла толстая женщина, демонстративно поставила на стол большой белый кувшин и ушла. Шик ликовал, распустив хвост, как павлин: “Именно такой кувшин был у моих родителей в Варшаве”.

Всё в Наоми перевернулось. Она украла письмо от Израиля, уединилась в укромном уголке, перечитывая его, словно наэлектризованная его почерком. Товарищи замечают, что нечто необычное происходит с ней в последнее время. Движения ее стали нервными. Внезапно она вскакивает с места, убегает с работы, словно неведомая сила несет ее неизвестно куда. Причина ее беспокойства в том, что Шик пригласил Израиля явиться к нему, на плантацию по выращиванию овощей в любое удобное для него время. И она каждый день поджидает Израиля на шоссе, у автобусной станции, словно ожидает пришествия Мессии. Наконец, он появился. Она идет ему навстречу.

“Я буду ждать тебя в роще”, – говорит он ей.

Щебетанье воробьев, шорох деревьев, неожиданные слезы облегчения вырываются из ее глаз под сенью сосен. Израиль появился в роще. Жар и холод объемлют ее тело. Он спрашивает, как она себя чувствует, здоровы ли дети, как они развиваются. Она равнодушно отвечает. Израиль удив-

лен.

“У детей должен быть дом”.

“В детском саду есть воспитательница – Этка. Дочка зовет ее мама “.

Она стесняется сказать ему, что дочь от рождения вызывала в ней дрожь и отторжение. Израиль потрясён. Дети в кибуце растут отдельно от родителей. Воспитатели отвечают за их развитие и за всё, в чем они нуждаются. Только два часа в сутки дети общаются со своими родителями. Как же можно не использовать это, отведенное кибуцем, время для общения с детьми, не гулять с ними?

“Наоми, невозможно так жить. Это твои дети, а не какой-то другой женщины”. Она не понимает его волнения. Кто растил ее, братьев и сестер, как не воспитательницы. Так было принято в буржуазных семьях на ее родине, в Германии. Да и сейчас богатые родители отдают детей воспитателям и частным учителям.

“Они похожи на своего отца”, – пытается она нарушить его многозначительное молчание, – они чужды мне, как и я чужда им. Нет у меня с ними контакта”.

“Ты должна преодолеть это отчуждение и быть с ними”, – решительно настаивает он и продолжает расспрашивать о детях.

“Старшая не хочет вообще учиться и ведет себя агрессивно с другими детьми”. Она стесняется признаться, что приступы злости у дочери и стиль ее разговора действуют ей на

нервы, доводят до содрогания. Преодолеть? Она не может унять эту дрожь при криках дочери. Да, она ненормальная, слишком чувствительна к злым капризам восьмилетней дочери. Наоми замолкает. Израиль человек умный и всеми почитаемый, но есть у него слабость, которая ей еще непонятна до конца. Она, Наоми, существует на пределе душевных сил, можно сказать, держится на последней нити благоразумия. В ее положении лучше, чтобы сильные женщины удочерили ее детей.

В одно мгновение она замыкается в раковине своего одиночества.

Израиль чувствует, как она из последних сил старается унять усиливающуюся дрожь. В отличие от нее, он бездетный бобыль. На пятом десятке он гоним судьбой с непроходящим чувством вины. Германские войска ворвались в Польшу, когда он там находился в качестве посланца Движения в организации “Ашомер Ацаир”, вместе другими членами делегации из Израиля. И когда грянула Вторая мировая война, он оказался в самом центре польского еврейства, мучащегося в состоянии хаоса и паники. В первый и последний раз он видел места своей молодости, за миг до того, как еврейство Польши со всем своим величием и красотой было стерто с лица земли. Он расстался с отцом Иегудой, сыном Израиля бен Цви, третьей его женой Хавой и сводными сестрами Фрумой и Мириам. Под ре́в бомбардировщиков и взрывы бомб члены делегации бежали от нацистов. В долгом

пути через Румынию на восток они добирались до Палестины. Чувство вины, подобно оковам, не отпускает его душу. Он не может себе простить, что не сумел убедить отца послать с ним сводных сестер.

Любимый отец, воспитавший его, женился на уродливой женщине после смерти матери Израиля. Три близких ему человека жили в нищете с тех пор, как он вернулся от дяди. Спали в одной не очень широкой кровати, ощущая теплоту отца и горячего тела мачехи. Когда ему исполнилось пять лет, отец соорудил ему постель в кухне из двух стульев и одеяла.

Любовь и отчаянье сквозят в каждом слове его трагического рассказа. Вторая мировая война закончилась, но ничего не известно о судьбе его семьи. Израиль ездит в Иерусалим, в организацию, занимающуюся теми, кто спасся из нацистских лагерей, пишет письма в Красный крест, разыскивая сведения о выживших в Катастрофе. Израиль тяжело вздыхает: отец прислал ему письмо перед захватом Варшавы нацистами, спрашивал, может ли сын прислать ему деньги, чтобы бежать в Палестину. Сын сообщил отцу, что сделает всё, чтобы послать ему деньги. Письмо вернулось. Отец и его семья не успели убежать.

В кибуце не очень любят говорить о диаспоре, но Израиль восстает против этой игры в молчанку. Его сердце полно любви к отцу, глубоко религиозному еврею. Он раскрывает душу перед бывшей любовницей Меира Яари – Шейнделе, с

которой дружит давно. Длинные письма к ней более похожи на страницы дневника.

...Помню себя малышом. Сплю в одной постели с восемнадцатилетней двоюродной сестрой. Она часто пудрится. Мне очень нравится эта процедура и ее бесконечные споры с отцом и братом. Не понимаю, по какому поводу. Однажды один из ее братьев принес какую-то книгу. Дядя сильно рассердился и ударил сына подносом по голове. Вообще дядя был человеком странным. У него были голубые водянистые глаза. Был молчуном, занимался какими-то подозрительными делами. Однажды в доме делали обыск. Солдаты перевернули весь дом. Меня дядя любил, часто гладил по голове. Не помню, чтобы мне в этом доме кто-то сделал какое-нибудь зло. Наоборот, окружали любовью. Отец посещал нас по субботам. Был всегда мрачен и печален. Не знал, как со мной разговаривать. Приносил мне сладости. Хорошо помню ночи. Прижимался к двоюродной сестре, гладил ее. В три года очень интересовался ее телом. Эти ночи долго оставались в моей памяти.

Однажды пришел отец и сообщил, что забирает меня домой, к новой маме. Был зимний день, и отец повез меня на санях. Новая мама был некрасивой черноволосой женщиной, она любовно смотрела на меня своими черными глазами.

Дали мне какие-то игрушки, и я сидел в углу, сгорая от стыда, и молчал. Новая мама меня любила всю ее жизнь.

Она была бесплодной, и я был ей за сына. Иногда она брала меня в свою постель, и я переживал то же самое, что со своей двоюродной сестрой. Не помню, чтобы когда-нибудь они укоряли меня или взывали к совести, что очень было распространено в те времена. Были ли им приятны прикосновения моих рук?

Помню много таких заигрываний с девушками намного старше меня. Все меня считали красивым мальчиком. Я до того привык к этому, что, если на новом месте мне этого не говорили, очень удивлялся. Новая мама была, по моему мнению, некрасива, но я был к ней очень привязан. Однажды я проснулся, головой уткнувшись в ее подмышку, но когда открыл глаза, увидел, что упираюсь головой в холодную стенку. Чувство разочарования от разрыва между прекрасным горячим сном и холодной реальностью преследовало меня долгое время. В ту же ночь, позднее, проснувшись, я слушал, как отец о чем-то переговаривается с мачехой, и впервые во мне проснулось чувство ревности и острое желание помешать их разговору. Затем пришло чувство раскаяния. Я научился сдерживаться. Образ новой матери глубоко лежит в моем подсознании. Иногда меня удивляет, почему меня влекут с такой силой к себе далекие от моих интересов женщины, и я совершаю невероятные усилия, чтобы преодолеть эти влечения. Только недавно я уяснил себе причину этих влечений. Первые сексуальные переживания ребенка влияют на его душу с невероятной силой. И еще. Мне было

четыре года, и я учился в хедере. Привык сам ходить в школу. Однажды в дождь я шел в новых галошах. На улице ко мне пристал парень в “капоте” – одежде ученика йешивы, и предложил донести меня на руках до хедера. Я не знал, что ему ответить и мгновенно очутился у него на руках. На ступеньках хедера он ловко снял с меня галоши и скрылся. Я стоял и плакал. Мама объяснила мне, что это был обыкновенный вор. Так я узнал, какое зло может нанести человек, стал осторожным и скептически настроенным по отношению к ближнему.

Быть может всё это, что пишу, тебе неинтересно вообще? Но мне приятно с тобой беседовать в письменном виде, чтобы хоть немного снять с себя груз воспоминаний. Жаль, что я не могу сидеть напротив тебя и держать твою руку в своей. Время от времени буду тебе писать. Прошу тебя сохранять эти листки, чтобы потом прислать их мне. Это для того, чтобы я мог знать, где остановился, как продолжит... У меня в этом – душевная необходимость. Пиши мне. Для меня большая радость получать от тебя письма, знать, что с тобой. Всех, кто возвращается из Мерхавиш, я спрашиваю о тебе.

Радости и счастья тебе, Шейндале.

Израиль

В роце кибуца Мишмар Аэмак, под общим небом и на общей земле, Наоми и Израиль делились друг с другом сво-

им детством.

Его набожный отец, зарабатывал шитьем кошельков. Учитывая способности сына, он определил его в “нормальную” еврейскую школу, где кроме Священного писания, изучали общеобразовательные предметы, что не очень нравилось их ортодоксальному окружению. Семья жила в бедности, но в атмосфере большой родительской любви. В скудном их дворике была душевая. Отец мыл маленького сына в деревянном корыте. Закутывал в простыню и нес в дом.

Наоми не чувствовала такой родительской любви. Богатое германское еврейство подражая аристократическому этикету, держало детей в отдалении от себя.

“Я знаю, что я ненормальная”. Она действительно думает о себе, как о существе, которое нарушает все, принятые в коллективе правила поведения.

Она рассказала новому другу, про свой врожденный дефект, про шрам на голове, оставшийся после удаления нароста. Она все еще ощущает себя потерянным ребенком, ищущим спасения.

“Не наводи на себя напраслину. Ты очень привлекательная женщина”, – говорит он, не спуская с нее глаз. Она, то ли улыбается, то ли плачет.

“Никогда не буду сама собой. Люди преследуют меня за мое “я”. Потому, когда прерывают мое молчание, я лгу. Но с тобой я могу говорить, не лукавя. Для меня это великое дело”.

Он взял ее руку в свою, обнял, и вся неловкость и боль ее жизни вырвались из глубины ее души: “Смеются над моей правдой. Говорят, что я сочиняю небылицы. Когда же я лгу, они в это верят. Из-за лжи я сама себя ненавижу. Эта ненависть к себе является главным чувством в моей жизни”.

Он расспрашивал ее о детских годах, о друзьях детства. Она рассказывала о своем сиротстве, без матери и отца, о необычной жизни в богатом доме, об окружении, которое не знало, как вести себя с ее необычностью. Он слушал ее рассказы о молчаливой девочке, которая самое заветное скрывала в душе, ибо редкие ее откровения порождали лишь насмешки. С самого раннего детства она приучила себя жить в двух мирах. Окружающим ее людям она рассказывала сочиненные ею байки, зная, что именно им может понравиться и что они могут принять на веру. В то же время правду она хранила в себе, как истинное сокровище. Такая двойная жизнь гарантировала ей, что никто не сможет коснуться ее тайн. Она не сказала Израилю, что боится своего отражения в зеркале. И о том, как все восхищались красотой ее сестер и братьев, и удивлялись, когда натыкались на ее смуглое и печальное лицо. Она знала, что умна, этакая грустная девочка-старушка, вызывающая у людей чувство отторжения. В сосновой роще лицо ее раскрылось, как раскрываются цветы во время цветения. Израиль – чудо, какой человек, ее якорь, думала она, он понимает, что ее необычность приводит к тому, что ее считают смешной и странной. Она мыслит не так,

как все, потому ее фантазии – это ее убежища, в которых она прячется от угрожающей реальности. Израиль пытается воспитать в ней умение заглядывать в собственную ее душу, понять ее возможности и возможности окружающих.

“Не ищи изъяны у других”, – сказал он ей, когда она пожаловалась на товарища, который исказил ее слова. “Не называй его лгуном”, – защищал он другого товарища, который оскорбил ее тем, что не поверил в ее искренность. Учил ее различать разные ситуации. Она, про себя, повторяет его слова: “Всегда бери в расчет, что большинство людей живет сиюминутно и не в силах распознать знаки будущего. Стиль твоего мышления отличен от большинства. Внимательно вглядывайся в собеседника. Проверь людей, которых ты допускаешь к своим мыслям. Иначе, они будут искажать все, тобой сказанное, и ты всегда окажешься в проигрыше. Это, кстати, проблема и моей жизни. Я стараюсь не разговаривать с теми, которых подозреваю в том, что они не смогут постичь мою мысль до конца”.

“Я пришла из ничтожества”, – бормочет она.

“Никогда не говори этого”, – он осторожно касается ее тонкой руки. – “Никогда, никогда не говори такое”.

Да, да, повторяет она про себя, я пришла из ничтожества.

Наоми истерически смеется. Она, немецкая еврейка, винит и себя и свою семью. Ведь они были уверены: немцы не тронут евреев, что христианское общество нуждается в евреях. Что ничего плохого им не сделают.

Лотшин, ее старшая сестра права. Если бы еврейская буржуазия не была столь слепа в оценке будущего, быть может, европейское еврейство поняло угрозу, нависшую над ним, и спаслось бы от нацистов. Культура европейского еврейства была уничтожена в корне, ибо еврейская община в Германии потеряла в ассимиляции собственную идентичность.

Наоми вновь и вновь размышляет, погружаясь в историю семьи, вспоминая гордость деда, направлявшего в нее острия иллюзии, лезвия слепоты чувств и самообмана. Нацисты усилились, грабили и убивали по всей Германии, а что делал дед? Говорил о старом добром времени и насмеялся над черными прогнозами внука Гейнца. Нацисты кричали “Смерть евреям”, а дед уцепился за прошлое и не переставал воспевать кайзера Вильгельма Первого и Бисмарка, который потакал евреям, ибо надеялся на их таланты, которые дадут сильнейший толчок развития германской промышленности и, конечно же, международной торговле.

1871 – год коронации Вильгельма, первого кайзера Германии, лег печатью на сердце деда.

Его, крепкого, высокого мужчину определили в кирасиры, полк кавалерии, служивший лично кайзеру. Он – единственный еврей, которого мобилизовали в этот отборный полк: в нём служили только сынки аристократов. Как он гордился мундиром, производившим на всех неизгладимое впечатление. В тот же год права евреев были уравнены с правами всех граждан, и с того момента национальные чувства вы-

рвались из души деда без всякой сдержанности. Дед всё более сближался с христианским обществом. Как богатый еврей он приобрел в аристократическом районе Берлина роскошный дом в юнкерском стиле, войдя в высший круг приближенных к кайзеру.

“Хайль Гитлер”, – орала орава на улицах и площадях, а дед лишь усмехался и ёрничал. Даже тогда, когда капиталисты стали вступать в нацистскую партию. Гейнц видел приближающуюся катастрофу, но дед упорно погружался в сороковые годы девятнадцатого века, период первой волны промышленной революции. А затем, перепрыгнув через десятки лет, вспоминал пору технологического прогресса. С молниеносной скоростью чудеса ворвались в повседневную жизнь, и дед, авантюрист по натуре, почувствовал, что все эти новшества родились именно для него. Появление железных дорог по всей Германии привело к быстрой связи с любым местом в стране. Телефон, микрофон, граммофон, электрическая лампочка – привели к расцвету новой европейской культуры. Дед изумленно рассказывал о развитии городов, об электрическом освещении улиц. И чем стремительней распространялась цивилизация, тем пренебрежительней дед относился к националистическим антисемитским движениям, которые наряду с призывами к консолидации немцев, призывали к отторжению от евреев, гены которых ущербны и несут деградацию.

За головокружением прогресса деда не очень напрягало

проникающее в массы невинное тогда понятие "антисемитизм". Вносимое с научной подоплекой в германский лексикон, это понятие не казалось деду актуальным. Он демонстративно не обращал внимания на союзы, движения, партии, распространяющие расистские небылицы о евреях, которые, ассимилируясь, вносят скверну в чистоту германской расы. Дух романтики национализма, усиливающий ненависть к евреям, не проникал в устойчивый внутренний мир деда. Сердце его было отдано объединенному государству Германии, включившему в себя и Пруссию и княжества. Он был бесконечно предан стране, превратившейся в промышленную и колониальную державу, проникшую в Африку и на острова Океании. В этой атмосфере он привел к расцвету свой бизнес, вопреки тому, что, как еврей, ему не было хода в Союз германских производителей стали.

Кровь и железо! Дед ликовал, любуясь багровыми языками пламени доменных печей своего металлургического завода. С началом Первой мировой войны он стал производить патроны и винтовки, в дополнение к ваннам, ручной-никам и другим предметам домашнего обихода. Германии требовалось много оружия для продолжительных сражений, и на стенах завода множились портреты кайзера Вильгельма Второго. Рабочие, черные от копоти, с красными от близости к пламени глазами, задыхаясь от недостатка воздуха, плавил железо. И дед суетился среди них, вел с ними разговоры о политике, развлекал анекдотами. Дед расширял за-

вод и улучшал производство. Он, не получивший никакого наследства от родителей, старался изо всех сил оставить богатство своим внукам.

В сосновой роще кибуца Мишмар Аэмек Наоми рассказывала Израилю о том, как все их благополучие оказалось мыльным пузырем, который раздувался и раздувался, пока, в конце концов, не лопнул перед лицом деда и его наследников.

Израиль же удивлялся предкам Наоми, которые, благодаря своему статусу, не проживали в гетто. Они достигли почетного положения в промышленности и торговле и считались евреями, вносящими существенный вклад в расцвет экономики государства. В Силезии предки деда построили крупную текстильную фабрику, слава которой достигла всех германских княжеств. Финансовое могущество предков росло, и семья Френкель, по сути, стала основательницей текстильной промышленности Германии. Предки деда построили себе роскошные особняки, их обслуживало множество слуг.

Новые веяния проникли во все уголки существования еврейской буржуазии Германии. Их сыновья и дочери получали разностороннее образование – в искусстве, музыке, театре, немецком языке, вдобавок к традиционному еврейскому образованию.

Их потомки стали наследниками духовной и материальной культуры предков. Все они в течение двух лет получали

образование и воспитание в семейном дворце в городе Нойштадте, в Силезии. Из внучек деда только Руфь и Лотшин прожили там два года.

Наоми же жила в постоянном конфликте с собой. С одной стороны, она испытывала тоску по высокой культуре и изобилию отчего дома. С другой, все время вела внутренний спорт с дедом-буржуем. Хотя он с уважением относился к своим рабочим, восполняя то, что они теряли в забастовках.

Но она не помнит, чтобы дед хотя бы раз говорил с симпатией о пробуждавшемся достоинстве рабочих и крестьянских масс, которые не могли пользоваться плодами промышленной революции. Несмотря на многочисленные протесты теоретиков, клеймящих эксплуатацию и нищее существование, жалкие заработки и высокие налоги. Это создавало почву для антисемитских движений и партий.

И все же следует признать: Германия стала финансовой и культурной державой благодаря капиталистам. Без них страна бы отставала от европейских держав – Британии и Франции. Так устроен мир. За прогресс надо платить.

Наоми пытается сбежать от прошлого, а Израиль не дает ей сбежать от себя самой, пытается войти в ее внутренний мир.

Она размышляет: смысл существования еврейского народа был потерян дедом и его семьей, как и значительным числом еврейских общин, осквернивших себя жадной приобщиться к чуждому им обществу.

Да и в самом Израиле евреи бегут от иудаизма. Окружающий мир марксизма не отвечает их чаяньям. Без крепких корней они обречены исчезнуть.

“Тяжко мне жить в кибуце, когда смещаются понятия добра и зла”.

Он говорит о том, что эти два понятия размылись, он предостерегает её:

“Берегись одного. Береги душу от людей бесталанных, но с большими амбициями. Они идут по жизни кривыми путями. Отсутствие таланта они восполняют тем, что совершают мерзости в отношении других. Средняки всегда будут копать яму тем, кто осознаёт их мерзкую суть и выступает против них”.

Чтобы поддержать ее, Израиль рассказывает об известной коммуне репатриантов из Вены. Когда кем-то овладевала депрессия, он будил всех посреди ночи. Они собирались вокруг товарища, говорили с ним и успокаивали. Именно он, Израиль, был живой душой “избы”, как поляки и русские называли помещение, где собиралась коммуна.

“Надо бороться с трудностями”, – сказал Израиль и рассказал об идейных и коллективных проблемах, затрудняющих его жизнь в кибуце и, вообще, в еврейском анклав страны.

В своем одиночестве он доверял мысли дневнику:

...Не могу уединиться. Для меня это главное лечение. Каторг событий распластывает душу: все последнее время –

в клещах окружающих тебя назойливостью и мелочностью людей, без мгновения покоя, без возможности вырваться из круга будничных, заедающих душу дел, из вытягивающего ее в каждый миг желания помочь кому-то в чём-то. Так и существую в этой удушающей атмосфере. Ни минуты для личной жизни, для размышлений. Бессонница, физическая и душевная усталость. Внешне веду себя тихо-тихо. Но внутри все бурлит...

“Не обрету покоя, – жалуется он Наоми, – пока не отдамся весь тому, что для меня свято, – социализму, сионизму, кибуцу. Не могу позволить себе укрыться в личную жизнь. Нет замены кибуцу. Мое место там. Во имя кибуца буду бескомпромиссно бороться. Воплотить идеал можно только в коллективе”.

Он тяжело трудился в поле, дежурил на кухне, переносил диктаторские замашки кухонного начальства, с трудом таскал на себе мешки с мукой и сахаром, часто останавливаясь, но ни разу не жалуясь на врожденный порок сердца. Члены кибуца, в основном, люди здоровые и крепкие, вообще не ведут разговоров о болезнях. К счастью, его интеллект, речи, произносимые им на собраниях и в комиссиях, его мнения на разные темы, которые он публиковал в газетах, собирали вокруг него поклонников. Меир Яари назначил его своим секретарем, и Израиль обрел почетное место одного из лидеров кибуцного Движения. Как его боссы – Меир Яари, Яков

Хазан и другие руководители, он освободился от каторжных полевых работ.

В сосновой роще кибуца Мишмар Аэмек Израиль говорил с Наоми о развитии человеческого общества, об иудаизме, социализме, красной Розе – Розе Люксембург. Книгу о ней, написанную Паулем Фрелихом, он переводил на иврит. Образ этой удивительной женщины, нежно относившейся к социализму, он изучил по ее сочинению “Письма из острога”, опубликованному издательством “Сифриат Апоалим” в 1942 году. Её соратнику Карлу Либкнехту лирика была чужда.

“Каких ивритских поэтов ты любишь”, – спрашивал он Наоми.

“Черниховского”, – сказала она и тут же подчеркнула, что не любит Бялика, кроме его стихотворения “Побег”, ибо оно выражает духовный конфликт, близкий ей.

“Я тоже не большой поклонник Бялика”, – согласился он и, к ее вящему удивлению, не разразился большой речью о том, какой великий поэт – Бялик.

“Он не освободился от атмосферы еврейского местечка, которая ветшает и окостеневаает”.

“Нет у него глубины Рильке и Черниховского”.

“Да, – согласился Израиль, – Черниховский – человек большого мира”.

Полдень. Во дворе кибуца они встречаются с уважаемой парой – Бертой и Яковом Хазан.

“Вы встречаетесь?” – спрашивает Берта.

“Где Шик?” – многозначительно произносит Яков. Израиль снимает неловкость разговором о каких-то незначительных делах и уходит. Наоми направляется в читальный зал, а сердце ее переполнено новыми надеждами.

Израиль исчез. Она отчаянно нуждается в нём. Шик нашел в платяном шкафу тетрадь, в которой она записывала свои рассказы.

“Ну что, “Библиотека трудящихся” это не напечатает”, – посмеивается он.

Только Израиль сможет дать профессиональную оценку ее творчеству – решила Наоми.

Она написала письмо с просьбой дать совет по одному делу. Ответное письмо вызвало скандал. Шик ворвался в дом, размахивая этим письмом, которое нашел в грудке писем, скопившихся в секретариате кибуца.

“Что за отношения у тебя с Израилем Розенцвайгом?!” – кричал он. Глаза его выкатились из орбит, когда он читал адрес и имя адресата: “Сделала с ним то же, что со мной? Соблазнила его?!”

“Я не желаю с тобой разговаривать!” – она выскочила из дома с письмом в руках. Израиль писал, что должен принять участие в конференции, в ее кибуце.

В сосновой роще, в тени высоких деревьев, сидела она обломке скалы, и тетрадка дрожала в ее руках. От Израиля не

укрылась эта дрожь. Он сел рядом с ней. Она успокоилась и, преодолев страх, попросила прочесть и дать оценку.

Он прочел первую страницу и посерьезнел:

“Наоми, ты умна и талантлива. Но тебе необходимо проникнуть, как говорится, в самую душу иврита, сосредоточиться на изучении ивритской литературы и грамматики этого языка”.

Он внезапно прервал свою речь на полуслове. Увидел в ее глазах страшную тоску, молчаливую мольбу, чтобы он взял ее с собой отсюда. Он замолчал. Ему тяжело было стоять перед Наоми.

Жизнь её печальна. А он возникает неожиданно и так же неожиданно исчезает. Такое в ее жизни происходит все время. Она пропадает. Чувство неполноценности стирает её в прах. Она слаба, не может сопротивляться комиссии по образованию, требующей не отклоняться от общей линии. В кибуце коллектив всегда прав. Она боится скандала. Насколько возможно, она попытается приспособиться к коллективу. Но при этой мысли на нее наваливается черная меланхолия, которая может свести её с ума. Видимо, она лишена национальных и культурных черт, но со знаком проклятия Каина на лбу. Израиль ушел. Она напряженно, без всякой надежды, ждет его возвращения...

Октябрь 1946. Она занимает место в аудитории Еврейского Университета на горе Скопус в Иерусалиме. По требова-

нию кибуца она должна изучать историю страны и иврит. Увидев на доске объявление о курсе по иудаизму, который ведет профессор Гершом Шалом, один из великих исследователей еврейских мистических учений, пионер в изучении Каббалы, её символов, а также мессианских движений, она тут же записывается на его лекции.

Профессор, как и Наоми, родился в Берлине, в еврейской ассимилированной семье. С детства получил еврейское образование, глубоко связан с национальными корнями иудаизма. Своими исследованиями он стал знаменит во всем мире, обретая высокий статус в академических кругах. Уже на первой лекции она потрясла аудиторию. Профессор озвучил идею еврейской мистики по книге “Сефер Баир” – “Ясная Книга”, написанной неизвестным автором в начале тринадцатого века: “Человек должен быть активным на путях Господних”.

Наоми прервала профессора: “Следует спустить Бога на землю! Следует превратить его в земную личность, подобную человеку! Не оставлять его на небе!”

“Думаешь, ты оригинальна? – профессор стукнул кулаком по столу. – Каждый год у меня учатся воспитанники Ашомер Ацаир. Каждый год я слышу то же от какого-то “хохмача” из кибуцного Движения”.

Онемев от страха, она, подобно муравью, спряталась от профессора, который, собрав свои бумаги, покинул аудиторию.

Худой и высокий, он шагал по коридору, бормоча: “Спустить на землю небесную личность Всевышнего”. Неожиданно плюнул и вернулся к входу в аудиторию, остановил Наоми и спросил:

“Объясни мне, что значит – спустить Бога с неба на землю?!”

Она не могла раскрыть рта. Как объяснить, что это была досадная оговорка, вопреки ее истинному мнению слетевшая с языка, и нет у нее логического объяснения тому, что сорвалось с ее языка.

На второй лекции она снова возбудила любопытство профессора. Он обратился к аудитории с вопросом: что это такое – Бог? Ответы были разные. Бог – это выдумка. Бог – это личность, обитающая на высотах Высот. Особенно профессору не понравился ответ одного студента: Бог – это Ничто. Он обратился к Наоми, которая сидела тише травы, ниже воды. Она сказала: “Я не знаю, что это такое – Бог”. Ее ответ принес профессору видимое удовлетворение.

Уроки на тему “Вступление в Каббалу” произвели на нее глубокое, ни с чем несравнимое, впечатление. Профессор сказал, что не любит раввинов, и его молитва в синагоге имеет личный интимный характер. И вообще, Бог – это интимное дела каждого. Бог одного отличается от Бога другого.

Восприятие Божественной силы изменчиво. Её колебание, можно даже сказать, неустойчивость порождает человеческое творчество, ту силу, которая движет жизнью чело-

вечества, открывает ему бескрайние горизонты мышления. Из его слов она понимает, что в мире происходит постоянное обновление. Нет ничего вечного и статичного. Тяжелая жизнь в Израиле вовсе не навязана судьбой. Она должна измениться. Что же касается содержания и сущности жизни, они происходят с изменением сознания, с одной стороны, и с изменением душевной жизни, с другой.

“Человек должен быть активным на путях Господа”, – повторяет она про себя каббалистическую идею из “Ясной Книги”, объясняя себе, что ей лично необходимо выйти из тьмы на свет, попытаться познать новую реальность и приблизиться к Божественному началу в земной жизни. Эта строка побуждает в ней желание отыскать путь к исправлению собственной жизни. Он побуждает себя к тому, что следует сосредоточить все положительные силы души в борьбе с отрицательными силами в ней. Это, по сути, борьба с разрывающими ее душу противоречиями. Она должна пробиваться к внутренней цельности. В конце концов, все эти внутренние борения в ней являются интегральной частью ее личности. Она обязана бороться с самыми ужасными наваждениями, которые пытались ее одолеть в прошлом, отбросить их. Такова динамика жизни.

Во Вселенной совершаются бесконечные изменения. Возможно, колесо ее жизни повернется и приведет к ее освобождению.

Напутствие из “Ясной Книги” ясно говорит: человек дол-

жен быть активен на путях Бога. Иначе, нет у него Бога. Это становится ее путеводной нитью. Во всех своих проявлениях человек пребывает в борьбе противоречий. Как диалектически мыслящий человек, профессор осторожно движется между этими противоречиями в своих мыслях и выводах. Всяческая борьба основана на диалектике, столкновениях между добром и злом, равновесии между ними.

Несколько упрощённо, не удовлетворяя ее до конца, человеческая драма представляется ей, как общественная, даже политическая драма. Система мышления профессора абсолютно противоположна тому, чему учат в кибуце. Он разворачивает перед студентами каббалистическое строение мира – Сотворение, динамику Божественного деяния, мужское и женское начала, так называемые Сефирот – сферы, столкновения сил добра и зла, напряженные связи между сферами. Бесконечность, являющуюся высшей Сферой, представляющей неуловимую сущность Божественного начала.

Наоми в лекциях профессора пытается найти личное освобождение. Радость жизни, внутреннее ощущение счастья, которых она не знала до сих пор, дают ей крылья, уносят в высшие миры. Мировоззрение, по законам Каббалы, придает ей неведомые раньше духовные силы. Человек может влиять на высшие миры, совершать сдвиги в Божественной вселенной, своим деяниями может внести в земной мир избыток духовности.

Теперь она понимает, почему еврейская мистика распро-

странилась в еврейском мире, как огонь в сухом хворосте. Если в средневековье человек чувствовал себя отрезанным от общины, без чувства принадлежности и личного статуса, то после кризиса он ощутил обновление в еврействе. Каббала, в основе которой заложена идея диалектики мира, книги по еврейской мистике объясняет ей исторические сдвиги, которым она ранее не могла найти объяснения.

Толкования профессора сложны и запутаны. Вместе с тем дух Каббалы и древние мистические книги очаровывают её. Она боится пропустить слово из объяснений профессора о рассеянии еврейского народа и его освобождении. Она прикована к обсуждению практической Каббалы, которую основал и развил рабби Ицхак Лурия, обессмертивший свое имя – Адонейну рабби Ицхак – АРИ акадош – Святой рабби Ицхак, создавший учение о цимцуме – сокращении в шестнадцатом веке. Профессор связывает лурианское учение с историческими событиями в жизни еврейского народа, согласно которому Диаспора и Освобождение вовсе не явление историческое и национальное, а вопрос универсально-космический.

Впервые, из лекции Гершона Шалома она узнает о “Возвращении в Сион” и еврейских мессианских движений.

Сильнейшая тоска евреев мира по стране Израиля, невозможность приобщиться к жизни в диаспоре, привели к взрыву национального самосознания и возникновению мессианского движения.

Профессор упоминает имена лжемессий – Давида Реувени, Шломо Молхо и Шабтая (Саббатая) Цви, сосредотачиваясь именно на последнем и его пророке Натане из Газы. По словам профессора, внутренний неудержимый порыв толкнул их выступить против Галахи (свода законоучений Талмуда). Шабтай Цви и Натан из Газы – личности спорные. Из Турции они добрались до Израиля и выбрали местом жительства Хеврон, город праотцев. Оттуда вышла их весть об Освобождении и явлении Мессии. Эта весть привела в движение все мировое еврейство от Йемена до северной Германии.

Наоми в последнее время не устает размышлять об отчем доме. На пути ассимиляции предки ее стерли из своей исторической памяти Израиль как отечество. С того момента, как Наполеон разрешил евреям остаться евреями, вернув им гражданские права при условии отказа от страны Израиля в качестве родины, с девятнадцатого века, представители еврейства Европы могли существовать в любой стране как равноправные граждане. В конце того века и в двадцатом веке репатриация вовсе не была возвращением в Сион, а поиском убежища от погромов. Бежавшие от гибели, евреи создавали на новом месте социалистические и коммунистические партии без малейшего желания создать еврейское государство, основанное на религиозных и национальных традициях прошлого. С приходом нацистов к власти и с момента завершения Второй мировой войны, в стране обосновались беженцы

из Европы, которым чужды были понятия иудаизма.

“Отец учил меня тому, что страна Израиля принадлежит прошлому, и только в пределах собственного дома я еврейка”, – сказала она профессору по окончании одной из лекций.

“И мой отец не одобрял мою тягу к иудаизму, – сказал профессор и, увидев ее удивленный взгляд, добавил: – ему хотелось, чтобы я стал выдающимся математиком, как говорили мне преподаватели. В конце концов, он изгнал меня из дома. Будучи владельцем типографии, человеком, уважаемым в еврейской общине, он хотел воспитать своих четырех сыновей светскими аристократами и интеллектуалами”.

“Именно из-за изучения иудаизма он выгнал вас из дома?” – зрочки ее расширились от удивления.

“Он не простил мне, что ради польских дел я забросил математику”.

Профессор посмотрела на нее сосредоточенным взглядом, и решительным тоном взрослеющего и бунтующего подростка рассказал, как отец впал в бешенство, когда он сказал ему, что нашел великую истину в “Ясной Книге”, на которую случайно наткнулся в библиотеке. Он решил потратить время на подготовку нового издания с переводом и своими комментариями. Более того, его превращение в сиониста и открытое выражение радикальных взглядов на еврейство Германии, резко отвратило от него отца.

“А как отнеслась к этому мать?” – осторожно, явно колеб-

лясь, спросила она, ибо негоже беречь душевные раны. Но беседа их, перешедшая на личные рельсы, развязала язык профессора перед своей землячкой из Берлина.

“Мама была из классической мелкобуржуазной среды и не могла сдержать гнев отца. Таким образом, я переехал в общежитие”.

Уроки иудаизма чужды Наоми, но тянет ее к символам Каббалы: кажется, что попытка расшифровать эту символику спасет ее от внутренней неуверенности и одолевающих страхов. Знакомство с миром, сотканным из противоречий, заставляет рассматривать любое явление диалектически. Она словно приобретает инструменты, с помощью которых может развязать узлы внутренних, мучающих ее противоречий, изматывающих душу мыслей. Она ищет разгадку внутренних непонятных ей сил, которые в детстве тянули её к иудаизму. В немецкой школе ее преследовало чувство отчужденности, хотя в школьных стенах она не чувствовала атмосферу антисемитизма. Неужели ее отвращение к ассимиляции вытекало из ощущения фальши в стремлении евреев раствориться в христианском обществе?

На уроках Каббалы она слышит вещи, которые не звучали, да и не могли звучать в среде воспитателей в кибуце.

“В периоды кризисов в мире еврейства, Кабала сохраняла сплоченность нации. Древние народы исчезли с лица земли. Еврейский же народ благодаря вере и мистическим учением сохранился”, – говорит профессор и остерегает от распро-

странения движения “ханаанцев”, которое пытается навязать свою идеологию, могущую привести к тому, что еврейский народ потеряет длящийся, к нашему счастью, порыв национальной жизни.

Об атеизме он говорит: “Нет абсолютного неверия, в нем всегда проскальзывает религиозная искра. Как в любой разрушительной силе, в атеизме есть и нечто положительное – освобождение и опасность”.

Он не верит в то, что атеизм представляет часть процесса вхождения еврейского народа в Историю, и добавляет:

“Наш народ не таков, как все остальные народы! Евреи пришли к мысли, что их приведет к полному уничтожению и исчезновению, если они будут объяснять свою сущность только с исторической точки зрения. Евреи не будут существовать без теологии. Если же они пойдут путем других народов, они уничтожат себя”.

Профессор отмечает атеизм как антитезу вере: “Атеизм – это безграничная власть страстей без внутренних ценностей. В любой истинной ценностной морали скрыта религиозная основа. Религия обладает силой сдерживания”.

Наоми мысленно иронизирует: марксисты видят главное в социализме, не связывая его с религией, и обманывают сами себя тем, что “строят новый мир”. Благодаря урокам Каббалы она понимает, почему всегда спонтанно сопротивлялась марксизму.

Она бурно переживает лекции каждого преподавателя.

Историю преподает доктор Йегуда Бен-Сасон, маленький религиозный еврей. Главная его тема – учение Рамбама – гениального Рабби Моше Маймона, известного в христианском мире, как Маймонид. Она удивлена. Впервые она слышит о еврейском философе и ученом. Рамбам, живший в Средневековье, дискутирует с Аристотелем, принципы философии которого изучил досконально. Отец Наоми часто говорил об Аристотеле, но ни разу не упомянул Рамбама.

Постепенно перед ней раскрывается во всей своей сложности история народа во времена Второго Храма, которую читает в концепции, оспариваемой многими, Гдалия Алон.

Она ходит, как во сне. Доктор Людвиг Штраус, лицо которого всегда печально, ведет курс ивритской поэзии, расцветавшей в Испании в течение пятисот лет. Ицхак Ибн Шпрут и его сын Хисдай познакомили испанских евреев с завершающей частью Талмуда – Гемарой и, буквально, заставили их изучать иврит. За пятьсот лет накопилась целая библиотека поэзии, религиозных песнопений на священном языке.

С тяжелым германским акцентом доктор Штраус насыщает свои лекции всяческими рассказами из истории евреев Средневековья.

Это возвращает Наоми к большой библиотеке отца. Там она вычитала в книгах о рыцарях, которые устраивали засады на торговых путях и грабили купцов. Евреи нашли обходные дороги и шли большими караванами в центры торговли. Еврейские общины этих центров помогали купцам. К

сожалению, рыцари ловили некоторых купцов, подвергали их пыткам, чтобы выведать пути их передвижения. Несмотря на пытки, еврейские купцы жертвовали жизнью, но своих братьев не выдавали.

Лекции доктора Штрауса пробудили в душе Наоми не просто интерес, а сильнейшее желание узнать историю и культуру евреев Испании. Она видит себя жительницей Барселоны, присутствующей на диспуте выдающегося знатока иудаизма и, в частности, Каббалы, Рамбама – Рабби Моше бен Нахмана – с крещеным евреем Пабло Христиани. Тема диспута – христианство и иудаизм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.